

**ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА В КОНТЕКСТЕ
ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ ДИНАМИКИ
РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Аннотация. В статье раскрывается специфика семантической и морфологической трансформации повести в реалистическом дискурсе прозы второй половины XX века. Подчеркивается, что повести В. Белова отразили основные векторы данной трансформации в контексте «деревенской прозы»; утверждается, что проза писателя 1970 – 80-х годов демонстрирует стремление к интеграции жанровых структур, созданию метажанра, освоению романной формы.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, художественный метод, реализм, проза, жанр, повесть.

Реализм второй половины XX века с эстетической точки зрения весьма неоднороден. Вектор развития советской литературы середины прошлого столетия отождествлен с понятием социалистического реализма. В настоящее время взгляды на его природу неоднозначны. Выявляется генетическое родство метода социалистического реализма коммуникативной стратегии классицизма, нередко социалистический реализм рассматривают как авангардистскую стратегию, ориентированную на целенаправленное воздействие на сознание адресата. Думается, неправомерно отождествлять многообразие советской литературы с идеологически ангажированным художественным методом. В 1960 – 1970-е годы в контексте военной и «деревенской» прозы усилилась роль автобиографического, психологического начал. Императивом художественного творчества становится постижение чужого «я», внимание и автора, и читателя сконцентрировано на герое как объекте коммуникации. Этот переход обусловлен присутствием в текстах художественных произведений элементов символизма, романтизма, неомифологических приемов моделирования реальности. С 1970-х годов усиливается экзистенциальная направленность прозы, происходит актуализация нравственно-философской проблематики. Обращение писателей к креативистской эстетике ускорило преодоление границ нормативной. Открытость реализма к эстетическим преобразованиям породила гипотезу о зарождении новой парадигмы художественности. Термины «постреализм», «новый реализм», «трансреализм», появившиеся в литературоведческих работах на рубеже XX – XXI веков, призваны отразить изменения «классического» реализма, произошедшие под влиянием неклассической эстетики.

Метонимические приемы миромоделирования, свойственные жанру повести, оказались созвучными реалистическому принципу типизации, для которого также характерен индуктивный способ постижения действительности. В реалистической прозе второй половины XX века повесть становится наиболее востребованным жанром, так как открывает широкие

возможности для психологизации прозы. Корпус повестей, созданный в прозе второй половины XX века, широк. Это произведения, различные по идейно-тематической наполняемости, художественному уровню, конъюнктурной или нонконформистской направленности.

В литературном процессе исследуемого периода наряду с другими жанровыми структурами актуализируются жанровые разновидности лирико-психологической, нравственно-философской и социально-психологической повести, бытование которых позволяет наиболее отчетливо проследить этапы обновления реалистической парадигмы; раскрыть особенности взаимодействия и рецепции эстетических явлений в литературе.

Повести В. Белова «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» целесообразно рассматривать в контексте представлений о лирико-психологической повести и ее эволюции в дискурсе «деревенской прозы».

Основным достижением «деревенской прозы», на наш взгляд, можно считать то, что писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают в своих произведениях поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать духовные устои народной жизни. Творческий интерес писателей вызывает не советский характер, а национальный характер, не советская культура, а народная культура. Авторы проявляют стремление обнаружить в патриархальном укладе народной жизни нравственную сущность национального характера. В произведениях звучит мотив истоков, появляются образы-символы почвы и малой родины, человек изображается в неразрывной связи с природой. Деревня предстает как своего рода заповедник нравственности и чистоты, в то время как город видится профанным пространством. Однако основные морфологические изменения реалистической повести в контексте «деревенской прозы» происходят в связи с формированием новой коммуникативной стратегии: авторы выражают тревогу за духовное состояние общества и пытаются отыскать глубинные основы нравственности и культуры, которые помогли бы преодолеть моральный кризис в крестьянском мире.

Семантическая трансформация реалистической повести в контексте «деревенской прозы» объясняется стремлением к осмыслению и воплощению национального характера. Правда, в ряде лирико-психологических повестей наблюдался очевидный «перекос» в сторону схематизма иного (нежели в соцреалистической литературе) плана: писатели склонны были идеализировать представителей крестьянского мира, создавать вымышленную аксиологическую систему. Преодолеть идеализацию, постичь народный характер в его противоречивости, показать «две стороны медали», несомненно, удалось В. Белову, В. Распутину, Ф. Абрамову, В. Астафьеву, Б. Можяеву, В. Шукшину и др.

Репрезентативной представляется параллель между повестью В. Белова «Привычное дело» (1966) [1] и повестью белорусского прозаика И. Пташникова «Іллюк Чачык» (1957) [3]. В произведениях русского и белорусского писателей отражены правдивые коллизии жизни послевоенной деревни, созданы далеко не безупречные, но максимально приближенные к действительности образы героев. Названные произведения стали этапными для своих создателей. Публикация повести «Іллюк Чачык» в журнале «Полымя» положила начало творческой биографии И. Пташникова. «Привычное дело» явилось своеобразной точкой отсчета как для большой прозы В. Белова, так и для «деревенской прозы» в целом.

На уровне сюжетно-композиционной организации в повестях В. Белова и И. Пташникова реализуются два типа конфликта: социальный и нравственно-психологический. Вторым оказывается доминантным, поскольку соотносится с поисками нового для «деревенской прозы» типа героя, воплотившего амбивалентную сущность национального характера. При этом социальный конфликт обозначен довольно остро. Отметим, что причины экономического кризиса деревни оба прозаика объясняют не только ошибками власти в области сельского хозяйства. И русский, и белорусский писатели истоки проблемы видят глубже: в обоих произведениях есть упоминание о времени «великого перелома» – именно коллективизация стала причиной разрушения традиционного уклада народной жизни. Старик Куров в повести В. Белова «Привычное дело» неоднократно вспоминает о годах, проведенных в Сибири, и у читателя не возникает сомнений в том, что не только война и послевоенная бесхозяйственность довели деревню до плачевного состояния. Такая ситуация выступает причиной изменения нравственной системы координат. Если колхоз не заботится о благополучии своих работников, то крестьяне, работающие за трудодни, вынуждены обманым, часто незаконным путем заботиться о себе сами. «Привычным делом» деревенской жизни становятся пьянство и воровство.

Отметим, что при всей остроте социальной проблематики в повестях И. Пташникова и В. Белова социальные аспекты как бы интровертируются, являясь поводом для поиска внутренней, глубинной опоры не в советской государственности, а в духовном мире человека. Герои и русской, и белорусской повести как бы проходят «проверку на прочность» социальными перипетиями, семейными ценностями, любовью к родной земле. Илья Чачик этой проверки не выдерживает. Сборник повестей И. Пташникова, изданный в 1959 году и включивший анализируемую повесть, носил говорящее название «Зерне падае не на камень». Тем символичнее в контексте повести звучат слова Ильи Чачика: «Сэрца маё – камень» [3, с. 155]. Такие, как Чачик, не могли стать почвой для социально-экономического и тем более духовного возрождения села. Путь Чачика – путь нравственного разложения, не обретения, а потери себя. Итогом эстетических исканий В. Белова в середине 1960-х годов становится образ героя, которому удается выйти через страдания к попытке постижения мира. На протяжении всего повествования писатель не раз характеризует отношение русского крестьянина к своей личности, к собственной судьбе как созерцательное или даже равнодушное. Однако В. Белов замечает, что созерцательность и податливость русского человека в критической ситуации уступают место отчаянной решимости, стихийному, устрашающему бунту против насилия. Писатель уверен: народ можно согнуть, но нельзя сломать, истребить. Человек, не утративший нравственных идеалов, выстоит в любых житейских и социальных бурях: «...этот страшный поток опять раз за разом топил и топил его, но никак не мог утопить совсем» [1, с. 120]. Способность человека к духовному возрождению, к продолжению «привычного дела» жизни сродни природному круговороту, которому нет конца.

Преодоление канонов нормативной эстетики во второй половине XX века сопровождалось различными эстетическими поисками, среди которых и возрождение сказовой манеры письма. Сказовый нарратор – это персонаж, участник событий, локализованный в мире художественного

произведения и наделенный собственной точкой зрения, собственным дискурсом. Традиции сказовости можно проследить в повестях В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева, Ф. Абрамова и др. На наш взгляд, ярким примером нарративного повествования «сказового типа» является повесть В. Белова «Плотницкие рассказы», где повествующее «я» выступает и лирическим героем, и свидетелем, и участником событий; явственно прослеживаются симпатии и антипатии героя, его отношение к рассказываемому.

Пределы художественной субъективности («явленности» автора в тексте произведения) и автобиографическая основа произведения – это не тождественные понятия. Однако способы субъектной организации в определенном смысле оказали влияние на жанрово-стилевую модификацию русской и белорусской реалистической повести во второй половине XX века. Рефлексивная субъективность лирико-психологической повести в контексте военной и «деревенской» прозы обусловила усиление психологизма, а в 1980-е годы – экзистенциального звучания прозы. Организация повествования от первого лица (нередко совпадение повествующего и повествуемого «я»), апелляция к сказовым приемам позволили авторам преодолеть схематизм нормативной эстетики, сделать внутренний мир человека главным объектом художественного познания, осмыслить ценность каждой отдельной личности в контексте исторического пути народа и государства.

Таким образом, на семантическом уровне лирико-психологическая повесть представляет собой рефлексию и интерпретацию индивидуально-авторского опыта, отказ от модели исключительной личности в пользу постижения живой человеческой души. Морфологические изменения связаны с возвращением писателей в русло классического реалистического искусства, а также с использованием неомифологических приемов моделирования реальности и некоторых элементов романтической условности (что способствовало усилению лирической доминанты).

Говоря о жанрово-стилевой модификации реалистической повести (и динамике прозы в целом) нельзя не отметить следующую тенденцию. Обширный социально-бытовой и исторический материал, к которому обращаются писатели в своем творчестве в конце 1960 – 70-х годов, начинает «выплескиваться» за границы жанра повести, обуславливая интеграционное направление жанровой модификации. Для реалистической прозы этого времени становится характерным такое явление, как повесть в новеллах (эскизах, очерках), повествование в рассказах, движение в сторону создания метажанра (В. Астафьев «Царь-рыба», «Последний поклон», В. Белов «Плотницкие рассказы»).

Причина циклизации повествования связана с тем, что увеличиваются объем и сложность материала, подвергающегося художественному осмыслению, в связи с чем событийное и хронологическое единство повести уступает место фрагментарному повествованию. Тем не менее жанровые признаки повести в повествованиях такого типа не утрачены полностью. Структурное и смысловое единство обеспечивается продуманной композицией, общностью художественного пространства, направленностью всех «микросюжетов» на решение одного центрального конфликта. По мнению Н. Л. Лейдермана, «Цикл – это первая в данном историко-литературном периоде попытка найти всеобщую связь внутри тех отношений человека с миром, которые выступили на первый план в данный период и стали

стержнем современной концепции личности» [2, с. 128]. Названную тенденцию в полной мере отражает и книга В. Белова «Лад. Очерки о народной эстетике». На примере данного произведения можем предположить, что чем слабее внутренняя и внешняя связь фрагментов циклического повествования, тем сильнее социальный детерминизм произведения, тем значительнее стремление автора постичь социокультурную ситуацию, систематизировать результаты своих изысканий. Процесс циклизации особенно характерен для реалистической парадигмы с ее стремлением к типизации, выдвиганию частной судьбы и психологии героя в центр художественного осмысления значимых исторических событий.

Таким образом, повести В. Белова отразили ключевые векторы семантической и морфологической эволюции лирико-психологической повести в контексте «деревенской прозы» второй половины XX века. Проза писателя 1970 – 1980-х годов демонстрирует стремление к созданию мета-жанра, что свидетельствует о его аккомодации к новым идейно-художественным потребностям, создает предпосылки для освоения романной структуры.

Литература

1. Белов, В. И. Повести и рассказы. – М. : Худож. литература, 1984. – 543 с.
2. Лейдерман, Н. Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 254 с.
3. Пташнікаў, І. М. Зерне падае не на камень; Ілюк Чачык: апавяданні і аповесці. – Мінск: Дзяржвыд. БССР, 1959. – 250 с.